

Советская культура 20. III 1981

В авторском варианте
«Борис Годунов» на сцене Таллинского
театра оперы и балета

но качество Т. Майсте позволяет ему по праву занимать центральное место в спектакле — умение найти верную актерскую интонацию для каждой фразы.

Несмотря на то, что в этой редакции роль Григория ограничивается лишь двумя картинами (наименее выигранными с точки зрения вокалистов), И. Кууск сумел создать настолько интересный, многоплановый и глубокий образ, что встал в спектакле вровень с самыми главными действующими лицами. Артист умело использует все драматургическое многообразие Мусоргского в характеристике этого образа. И поэтому каждая фраза артиста необычайно выразительна и осмысленна.

Творческий почерк артистов Таллинского театра отмечает умение органически сочетать вокальную и игровую стороны роли.

Очень интересно исполнение Тийтом Траллом роли Шуйского. Артист раскрыл не только черты хитрого и изворотливого царедворца, но и жадное стремление к власти.

Своеобразна трактовка образа Варлаама у Уно Креэн. Для этой роли у него есть все данные. Хотелось бы только некоторого укрупнения образа, большего выявления стихийной мощи его темперамента. А вот образ Юродивого (А. Колло) выглядит в спектакле слишком малозначительным. Поспешность, с которой были про-

изнесены знаменитые фразы, обращенные к Борису, лишили эту сцену ее важнейшей драматургической функции. Впрочем, этот упрек относится скорее к дирижеру. Хотя Э. Клас — отличный, высокопрофессиональный музыкант. И в этом спектакле он еще раз подтвердил свою репутацию. Общая выстроенность музыкальной формы спектакля, интересная проработка отдельных деталей оркестровой звучности — все это позволяет говорить о большой и серьезной работе дирижера. Правда, речитативный стиль, который преобладает в «Борисе» над большими, развернутыми музыкальными построениями, требует более свободной модификации темпа, даже внутри установленного автором. Излишняя же ровность темповых соотношений порой приводила в спектакле к снижению эмоционального накала ряда сцен.

Чисто и выразительно прозвучал не очень многочисленный хор (хормейстеры У. Ярвела и А. Дорбек). Он в целом справился со своей ответственной ролью в спектакле, хотя порой несколько скован сценически и музыкально.

К наиболее спорным моментам в спектакле, сказавшимся на создании исторической атмосферы, относится работа художников В. Левенталя и М. Соколовой. Сложное переплетение деревянных лестниц, грубо сколоченных помостов и площадок —

все это давало интересные возможности для сценического решения, особенно хороших сцен, и вполне убеждало в таких картинах, как «Новодевичий монастырь» или «Василий Блаженный» (хотя и здесь хотелось более исторически точного обозначения места действия). Однако эта установка вошла в явное противоречие с музыкальной стилистикой таких картин, как «Терем», «Грановитая палата».

Да и вся конкретная историческая точность оперы Мусоргского в целом, будь то действующие лица, место и даже время событий, мало соответствует нарочито-абстрактной, обобщенной конструкции, которая входит также в противоречие и с историческими костюмами, и с некоторыми деталями оформления (например, подлинным тронем в последней картине). Не слишком понятным символом осталось и постоянное присутствие на заднем плане фигур монахов, включенных в оформление.

И все же эти спорные моменты не могут заслонить собой большую работу коллектива театра «Эстония», создавшего по-настоящему интересный спектакль, который является, безусловно, ярким событием в театральной жизни страны и который стал отличным подарком к столетнему юбилею великого Мусоргского.

Н. АКУЛОВА,
наш спец. корр.